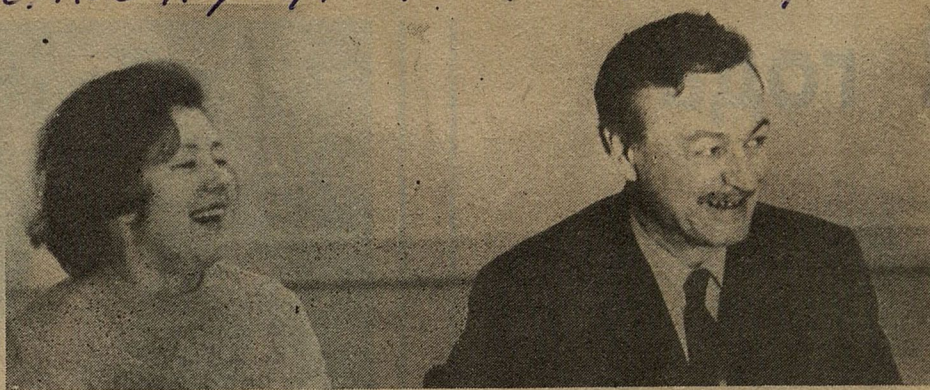

Набави. — С.-Пб = Париж. — 1993. — №9. — С. 6.

Здесь повсюду Он: фотографии на стенах, старинное кресло, где, может быть, он любил сидеть... И рассказ хозяйки гримерной, актрисы Большого Драматического театра Людмилы МАКАРОВОЙ. Его вдовы — боже мой! — уже восемнадцать лет... Он — Ефим Копелян.

— Мы познакомились в театре. Я училась в студии БДТ, он уже играл. Такой фатоватый, с усами. А у меня были «бачки» — по моде. Он крутил усы, я — баки. Докрутились... Ефим стал приглашать в кино, я умирала от счастья. Страшное дело — любовь в семнадцать лет. «Нет, нет, — говорила мама, — он старше тебя». «Ну и что, подумаешь. Всего-то на девять лет!» Женат Ефим не был, но жил с Таней Певцовой, дочерью знаменитого актера. Чудной такой женщиной, потом мы с ней познакомились и были в милых отношениях.

Утром 13 мая 1941 года в моей квартире раздался звонок: «Возьми паспорт и приходи в загс». Паспорт был спрятан где-то у мамы. Она уже ушла на свою швейную фабрику, где работала директором. «Мамочка, я выхожу замуж», — кричала я в телефонную трубку...

Мы зарегистрировались, и Ефим улетел с театром в Ашхабад. Я поехала туда же поездом. Он уже встречал меня как жену, и нас поселили вместе.

Вскоре началась война. По дороге в Ленинград я заразилась брюшным тифом и долго пролежала в больнице. Фима ушел в ополчение. А меня после выздоровления пригласил театр Балтийского флота. Так мы оба оказались в армии. Он воевал на Ленинградском фронте. Его подразделение базировалось в городе, и он часто приходил домой. У него была цинга, опухали ноги, но ни одной пайки, посылки он не съел сам.

После войны меня снова пригласили в БДТ. Свою жизнь в театре я начала с роли Ани из «Вишневого сада». Сейчас у нас снова ставят эту пьесу, и ужасно обидно, что я не занята в ней. Удивительная ностальгия по этому спектаклю, по тем временам. А одна из моих любимых пьес, «Ханума», просто не играется. Сначала ушел из нее Ефим Захарович, потом Вадим Медведев. Замены не нашлось, и как-то все распалось. Сейчас мы мечтаем восстановить спектакль, ведь он до сих пор любим публикой. Какая музыка, какие танцы, какие яркие краски! Настоящее грузинское веселье. Георгий Александрович Товстоногов понимал в этом деле толк.

Роль свахи мне очень близка — это сама жизнь, доброты, желание сделать людей счастливыми. Я и в быту с удовольствием была бы свахой. Мне иногда друзья говорят: «Ну сосватай кого-нибудь». А я им

ЕДИНСТВЕННЫЙ

отвечаю: «Вот когда уйду на пенсию, тогда и займусь этим всерьез».

С мужем я прожила долгую, счастливую жизнь. Тридцать четыре года мы были вместе. Что делает семью счастливой? Доверие друг к другу, понимание. Нет, пожалуй, самое главное — терпимость. Жизнь — штука сложная, всякое бывает. Надо уметь простить, понять. Не надо фыркать. Я всегда прощала, и Фима мне прощал. Но если мы ссорились, он никогда не заговаривал со мной первым. Делала это я. Подумаю-подумаю: «Да ну к лешему, стоит из-за такого дуться!» Он всегда с удовольствием мирился. Терпела и когда он начал выпивать. Ничего. Все прошло. Он вообще потом бросил пить. И так стало хорошо...

В сложные времена нас спасал юмор. Начнем косо смотреть друг на друга, вспомним что-то смешное — и как будто ничего не было. Мы оба были достаточно известны, но никогда не соперничали. Вместе играли крайне редко. Я очень любила эстраду, оперетту, он нет. Буквально заставила его сыграть в «Хозяйке гостиницы». Он сделал это, как говорила моя нянька, «сквозь зубы».

Вот принимать гостей — это мы обожали вместе. У него еще были, правда, свои, особые, гости — картежники. Актеры, милиционер, врач, инженер. Фима любил играть в преферанс, а я их обслуживала. «Значит так, — говорил он мне, — сегодня — водка и капуста». Они играли всерьез, но очень весело: хохмили, разыгрывали друг друга, подтрунивали...

Я плохо переношу одиночество. Дома у меня и теперь всегда люди. Они говорят: «Сейчас мало осталось домов, где так вкусно кормят». Все, что есть, я всегда

выставляю на стол. А готовить я люблю.

Может быть, поэтому за свою жизнь мы с Фимой ни черта не скопили. Купили, правда, по дешевке небольшой хутор со старым финским домом в тридцати километрах от Приозерска. Озеро, лес и никакого жилья кругом. Фима дачу обожал. Так же, как сейчас сын. Посадками, огородами мы никогда не занимались. Приезжали только в отпуск на полтора месяца. Ходили за грибами, ягодами. Я, правда, больше готовила их и есть люблю. Ленивая в смысле сбора. По лесу бродить — вот это восторг!

Сейчас я езжу на дачу с друзьями. Они живут там все лето. Муж, жена, их дети, теперь уже внуки пошли. Дом большой — места всем хватит. Эти люди мне ближе родных, они очень помогли, когда Ефима не стало. Вообще, я счастлива друзьями.

Когда мы с мужем ездили куда-нибудь вместе отдыхать, я видела, как на него поклонники набрасывались. Кино дает большую популярность, а он еще и актер был необыкновенный. Я мало снималась. Плохо выхожу, наверное, нефотогенична. Из-за этого даже от каких-то симпатичных ролей отказывалась. Я и телевидение не люблю. Вот на сцене — другое дело.

Его популярность была приятна. Но если он смотрел на какую-нибудь красивую женщину не так, как мне хотелось бы ужасно ревновала! А какая жена не ревнует! Ефим с годами пользовался все большим успехом, он становился все красивее. Боже мой, сколько было писем от поклонниц! На мою ревность Фима отвечал смешно: «Да что ты, я же ленивый».

Я и сама любила пококетничать с мужчинами, но только при нем. Даже романы себе придумывала. Глаза горели, щеки

краснели... А вот не стало Фимы, и мне уже ничего не нужно. Без него скучно жить. Замуж, естественно, я не смогла выйти — другого такого нет.

Каждый год в день его рождения товарищи собираются у меня. Вспоминаем Фимочку всегда весело. Во мне он живет само собой, но он и в театре тоже живет, потому что человек был стоящий. Не зря Георгий Александрович сказал, что это умерла совесть театра.

Я не вижу Фиму во сне. Это было всего несколько раз сразу после смерти. Когда мне тяжело, когда копится какая-то обида, я смотрю на фотографию и мне хочется с ним поговорить: «Ой, Фима, как жаль, что тебя нет рядом». На кладбище подолгу с ним беседую. Поговорю и легче становится. У меня и мама рядом с ним похоронена. Когда он умер, она была еще жива и сказала: «Только рядом похороните».

Сейчас, когда я проезжаю мимо дома, где вместе прожили столько лет, сердце сжимается от тоски. Там недавно повесили мемориальную доску. А тогда мне тяжело было оставаться в старой квартире, и мы ее разменяли. Живем с сыном теперь в центре города, квартиры на одной площадке. Он, конечно, почти все время у меня. Он очень похож на отца — голосом, выражением лица. Живем мы с сыном дружно. Хотя он и не бросается ко мне с цветами, поцелуями, так же, как не любил делать этого его отец, — я знаю, что он меня любит.

Есть у меня обожаемый фокстерьер Гранат. А первую собачку Пеле я подарила Фиме на день рождения. «Зачем он нам, — сказал он. — Нас так часто не бывает дома». Щенок лизнул его в ухо, и он растаял. Когда Пеле исполнилось одиннадцать лет, он заболел, и его пришлось усыпить. Я думала: больше никогда в жизни не возьму собаки. Но вытерпела только месяц. Побежала и купила точно такого же щенка.

Если я сохранила подвижность, то только благодаря Гранату. В восемь встаю и бегу гулять. Он впереди, я за ним. Как бы поздно после спектакля ни легла, просыпаюсь, как штык, стоит только подойти Гранату и лизнуть в нос. Он свое время знает четко. Иногда и днем его вывожу, и вечером. Минут сорок всегда гуляю с ним. Всем совету, если хотите сохранить форму — заведите собаку. Женщине нельзя распускаться.

Еще один совет. Чтобы хорошо выглядеть, не надо никому завидовать. От зависти появляются морщины.

Записала
Валентина ВАСЕЙКО